

Признание Германией независимости Словении и Хорватии как детонатор Балканского кризиса

Декларация о признании правительством Германии 23 декабря 1991 г. независимости бывших югославских республик Словении и Хорватии стала своеобразной отправной точкой процесса интернационализации Балканского кризиса, дальнейшего развития дезинтеграционных тенденций в Югославии и перерастания острого этнонационального конфликта в фазу военного противостояния. Приобретая международный характер, Балканский кризис 90-х годов своими масштабами и геополитическими последствиями подверг серьезному испытанию всю складывающуюся на континенте после окончания «холодной войны» систему международных отношений, а также европейский интеграционный процесс. В результате балканские проблемы стали важным внутривосточным фактором в самих европейских странах, а внешняя политика Европейских сообществ и отдельных государств ЕС в свою очередь оказала непосредственное воздействие на развитие событий на Балканах. Поэтому развитие внутренних политических процессов в Югославии невозможно понять без учета влияния международных факторов, которые оказывали разнонаправленное воздействие на механизм конфликта. Так, одним из важнейших событий, предшествующих окончательному развалу СФРЮ и военной эскалации кризиса, явилось признание Германией независимости Словении и Хорватии.

Первоначальный этап Балканского кризиса совпал с кульминационным периодом интеграции Европейских сообществ и глубинных сдвигов во всей системе международных отношений. Европа находилась в поиске новых векторов развития и перестройки глобальной системы безопасности, более адекватных современным условиям. Для ведущих европейских государств, и в первую очередь Германии, конфликт в бывшей Югославии оказался первой реальной возможностью переоценки своих интересов и пересмотра собственной политики в рамках единых европейских политических структур. В условиях кардинальных изменений геополитической обстановки на континенте,

а также трансформации масштабов и содержания проблем военно-политического лидерства одной из наиболее перспективных задач для объединенной Германии становится стремление придать собственному экономическому весу соответствующее внешнеполитическое значение в процессе формирования общеевропейской внешней политики. Существенным шагом в этом направлении становится «сепаратное» признание германским правительством независимости Словении и Хорватии.

Проблема признания независимости бывших югославских республик возникла перед Европейскими сообществами к середине 1991 г., после провозглашения 23 и 25 июня парламентами Словении и Хорватии односторонних деклараций о независимости и суверенитете. Тем самым был сделан решительный шаг в сторону развала югославской федерации. Попытки найти внутривосточное решение кризиса неоднократно предпринимались на протяжении 1990 – 1991 гг. Процесс пересмотра всей государственной федеративной системы выявил две основные концепции: федеративную (Сербия, Черногория) и конфедеративную (Словения и Хорватия). В основе предложений Словении и Хорватии лежал принцип необходимости развития государственной самостоятельности и суверенитета. Согласно предложенной Словенией и Хорватией модели, будущая конфедерация должна была представлять собой союз суверенных государств, которых объединяли экономические интересы, единая граница, а также общая цель включения в европейские интеграционные процессы. Таким образом, Словения и Хорватия ратовали за добровольное разъединение, видя в этом шаг к европейской модели единения. Процесс суверенизации Словении и Хорватии, их выход из состава СФРЮ носили односторонний характер и осуществлялись не на правовой основе, без урегулирования пограничных, национальных и экономических вопросов. В результате Словения и Хорватия не смогли преодолеть острых межнациональных противоречий и избежать военных столкновений. Односторонние заявления Словении и Хорватии о независимости и выходе из федерации инициировали процесс разобщения Югославии и имели приоритетной целью получение международного признания. Подобная политика интернационализации внутривосточного кризиса была направ-

* *Вадим Сергеевич Глушко* – аспирант исторического факультета Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

лена на вовлечение в конфликт субъектов мирового сообщества как мощного инструмента принуждения.

В сложившихся условиях международное сообщество проводило единую линию в отношении вопроса о признании суверенитета Хорватии и Словении. Выход этих республик из состава СФРЮ рассматривался ведущими мировыми державами и ЕС как процесс дезинтеграции, который повлечет за собой неконтролируемое развитие событий в регионе.

Суверенизация югославских республик и выход их из состава федерации поставили остальных ее членов и всё международное сообщество перед лицом свершившихся фактов. В 1990 г. – первой половине 1991 г. не было ни одной международной организации или страны, которые на официальном уровне поддержали бы дезинтеграционные тенденции в Югославии. Для Европейских сообществ этот вопрос имел принципиальное значение, так как с самого начала конфликта на Балканах ЕС придерживался принципов хельсинкского Заключительного акта, который кодифицировал послевоенные границы Европы. Тем не менее конфликт в Югославии породил деликатную и запутанную дилемму, которая заключалась во внутреннем противоречии между принципом самоопределения и стремлением сохранить международный территориальный статус-кво. С хельсинкского Заключительного акта 1975 г. основа европейской стабильности базировалась на постулате о неизменности международных границ силовыми методами. В то же самое время демократические революции 1989 – 1990 гг. повысили в европейском сознании важность принципа самоопределения. В случае с югославским кризисом эти два основополагающих принципа вошли в неразрешимое противоречие и Запад оказался перед серьезной проблемой – как поддержать нарождающиеся демократии, не поддерживая сепаратизма.

Кроме того, каждая из европейских стран имела свое собственное отношение к вопросу конфликта принципов самоопределения и неизменности границ. Многие государства ЕС имели собственные национальные сепаратистские движения (Франция – проблема Корсики; Великобритания – проблема Северной Ирландии; Испания – проблема баскского сепаратизма) и опасались, что поддержка независимости отделившихся югославских республик отразится на их внутренней ситуации. По замечанию канцлера объединенной Германии Гельмута Коля, «несогласованность позиции Европейских сообществ в отношении Балканского кризиса обусловлена проблемами концепций отделения в самих странах ЕС»¹. Из всех стран – участниц ЕС Германия

наиболее благоприятно рассматривала претензии отделившихся югославских республик. В отличие от Франции, Великобритании и Италии, Германия не сталкивалась с проблемами этнонациональных региональных движений. Кроме того, достигнув объединения страны на основе принципа права наций на самоопределение, германское правительство испытывало значительные неудобства в случае отказа от требований Словении и Хорватии реализовать этот принцип на собственной территории. Хотя применительно к проблеме кризиса в Югославии приверженность этому принципу означала раскол единого государства.

Очень важным в этом отношении представляются теоретические и аналитические изыскания германских политологов по проблеме автономии и права наций на самоопределение, которые выливались в конкретные политические рекомендации боннской дипломатии. Данная проблематика активно дискутировалась на протяжении всего югославского кризиса и представляет, в известном смысле, определенный срез воззрений не только германской политической элиты, но и целого ряда других политических деятелей стран ЕС. Характерным положением для этой концепции являлось то, что «международно-правовая норма права народов на самоопределение ошибочно понимается как угроза международной стабильности и часто связывается с проблемой сепаратизма»². Подобный подход входил в явное противоречие с позицией США, Франции и Великобритании. Представители этих государств, имевшие свои собственные страхи перед волной национализма, ставили знак равенства между борьбой за национальную независимость и «местническим деспотизмом». Исходя из подобных убеждений, Париж, Лондон и Вашингтон ратовали за сохранение в том или ином виде единой югославской федерации и подвергали резкой критике действия Германии по развалу СФРЮ. Германским же политологам этот вопрос виделся совершенно под другим углом зрения. Они рассматривали «внутреннее самоопределение» в федеративном государстве в качестве «модели будущего, выхода из фатальной дилеммы старого спора о самоопределении и территориальной целостности, которая традиционно допускала лишь выбор между подавлением и отделением»³.

Особая позиция Германии определялась не только спецификой ее внутривнутриполитического развития и тесными историко-культурными связями со Словенией и Хорватией, но также и геополити-

² Heintze H. Selbstbestimmungsrecht der nationen. Bonn, 1997. S.7.

³ Aether S. Selbstbestimmungsrecht im Bundesstaat // Grenzen des selbstbestimmungsrecht. Umgestaltung Europas und selbstbestimmungsrecht der nationen. Wien, 1997. S.81.

¹ Hamburg DPA. 2 July 1991 (FBIS-WEU-91-127. 2 July. 1991. P.17).

тическими интересами Бонна в Европе и на Балканах. Усиление позиций Германии в Европе и на международной арене приняло заметные очертания после объединения. Германия все в большей степени стала определять рамки будущей формы континента, структуры его международных организаций и формирования политики. Свою доминанту Бонн пытался укрепить занятием лидирующей позиции в процессе инкорпорирования Восточной Европы в политические и экономические структуры Европы. Контроль за этим процессом позволил бы Германии осуществлять экономическое и политическое влияние в государствах Восточной Европы. Подобные планы вызывали настороженность партнеров Германии по ЕС и США. Оптимистичные заявления боннских политических деятелей о том, что интеграция Востока и Запада под эгидой Германии сделает ее более европейской, а не Европу более германской способствовали лишь дополнительной тревоге западноевропейских государств. Не вызывал сомнения тот факт, что «в конечном счете достижение этих целей безусловно выгодно Германии больше, чем кому бы то ни было в Западной Европе»⁴.

По мере развития Балканского кризиса, исходя из своих собственных интересов, Германия все больше склонялась к перспективе признания независимости отделившихся югославских республик. Аргументация германской дипломатии заключалась в том, что международное признание деклараций о независимости остановит сербскую агрессию и предотвратит дальнейшее расползание военного конфликта. «Признание словенского и хорватского суверенитета вынудит Сербию признать свершившийся факт и предоставит международным силам право на вмешательство (интервенцию) без согласия югославского правительства, что немедленно приведет к прекращению конфликта. Отказ же от международного признания этих республик спровоцирует военную агрессию со стороны ЮНА и приведет к эскалации напряженности»⁵. Применение международных гарантий защиты посредством признания независимости самопровозглашенных государств стало официальным лозунгом германской дипломатии в отношении Словении и Хорватии⁶. Подобная позиция находила понимание у многих европейских политических деятелей.

⁴ Business Week. 1997. December.

⁵ Susan L. Woodward. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington, 1995. P. 183.

⁶ Behler Gunter. *Verteidigung von nationalen Minderheiten mit Hilfe von internationalen Verteidigungsgaranteen // Grenzen des Selbstbestimmungsrecht. Umgestaltung Europas und Selbstbestimmungsrecht der Nationen*. Wien, 1997.

Проект решения кризиса, предложенный германской стороной, входил в явное противоречие с позицией других членов ЕС, в частности Франции и Великобритании. Париж и Лондон зачастую ставили знак равенства между борьбой за национальную независимость и «местническим деспотизмом». Исходя из этого, французские и британские дипломаты ратовали за сохранение в том или ином виде югославской федерации и подвергали резкой критике попытки Германии содействовать признанию отделившихся югославских республик. Фактически, в рамках Европейских сообществ оформились две основные концепции трансформации Югославии. Первый вариант, предложенный Великобританией и Францией, предусматривал сохранение единой политической структуры государства и осуществление преобразований в рамках стабильной миротворческой системы условий, сформированной организациями ЕС. Второй вариант, разработанный германской дипломатией, подразумевал сознательную дезинтеграцию югославской федерации (посредством признания независимости Словении и Хорватии) и интернационализацию кризиса (путем непосредственного вмешательства ЕС в разрешение внутривнутриполитического кризиса в СФРЮ).

Расширение конфликта удалось избежать при посредничестве ЕС. Под нажимом Европейских сообществ 7 июля 1991 г. на острове Бриони была подписана совместная декларация о мирном разрешении кризиса. Кроме договоренности о прекращении огня, это соглашение обеспечивало 3-месячный мораторий на действия Словении и Хорватии по провозглашению независимости⁷. Брионская декларация имела и еще одно важное значение. «Подписание декларации сделало Словению и Хорватию, *de facto* объектом международного права и расчищало путь к постепенному признанию их государственного статуса»⁸.

Однако стало очевидным, что уже летом 1991 г. в позициях большинства стран Европейских сообществ появились совершенно новые акценты. Политические деятели ряда государств стали высказывать мнение о том, что первоначальная поддержка «единой и демократической» Югославии способствовала разрастанию внутреннего конфликта. В Европе основную роль защитника суверенитета бывших югославских республик взяла на себя Германия. Позиция германской прессы и отдельные нюансы политики Германии свидетельствовали о достаточно позитивном отношении Бонна к сепаратистским действиям Словении и Хорватии. Появились совершенно определенные признаки того, что Германия склоняется к признанию независимости этих государств. Инициативность германской

⁷ Brioni declaration // *Jugoslav Survey*. Belgrade, Vol.2.

⁸ Susan L. Woodward. *Balkan Tragedy*. P.168.

дипломатии в вопросе поддержки процесса суверенизации Словении и Хорватии объяснялась как вполне конкретными геополитическими интересами, так и определенными внутренними тенденциями. Бонн пытался укрепить лидирующую роль Германии в ЕС и НАТО, потеснив таким образом Францию и Великобританию, не входя, тем не менее, в серьезную конфронтацию с ними. Особый курс германской дипломатии в югославском вопросе позволял взять в свои руки инициативу в процессе формирования внешней политики ЕС. Вместе с тем германская правящая коалиция (ХДС-ХСС-ФДП) испытывала сильное политическое давление со стороны довольно значительной и влиятельной хорватской эмиграции и католического центра (правого крыла правящей партии – Христианско-Социального Союза). 27 июня 1991 г. лидер ХДС Альфред Дреггер призвал к немедленному признанию Словении и Хорватии. А 9 июля 1991 г. уже Социал-демократическая партия потребовала от Геншера способствовать одобрению признания независимости бывших югославских республик в рамках ЕС»⁹. В бундестаге политика министров иностранных дел стран ЕС подвергалась резкой критике, из-за якобы слишком сильной ориентации на сохранение целостности югославского государства. Так, в частности, глава фракции Социал-демократической партии Гансель отметил, что «эскалацию конфликта можно предотвратить, если министры иностранных дел стран ЕС не будут поддерживать Белград»¹⁰.

Подобная позиция активно поддерживались и германской прессой. Вполне характерными в этот период для немецких средств массовой информации были высказывания о том, что «югославский кризис не может долее квалифицироваться как внутреннее дело. Признание будет действовать как рычаг для усиления интернационализации кризиса. Это создаст более благоприятные условия для прямого вмешательства международных механизмов кризисного регулирования»¹¹.

Германская концепция решения Балканского кризиса путём его интернационализации становилась все более привлекательной по мере неудачных попыток предотвратить дальнейшее расширение конфликта. Так, к августу 1991 г. окончились провалом посредническая миссия «тройки» ЕС и попытки достичь примирения противоборствующих сторон посредством реализации концепции перехода к мягкой конфедерации в Югославии. Дальнейший поиск путей урегули-

рования кризиса страны Европейских сообществ попытались осуществить на чрезвычайном совещании министров иностранных дел стран-членов ЕС в Гааге в августе 1991 г. На этом совещании Германия выступила с целым рядом инициатив – от применения международных санкций против Сербии до незамедлительного признания независимости Словении и Хорватии, вопреки условиям Брионской декларации. Совещание в Гааге в очередной раз подтвердило отсутствие единой линии в отношении перспектив разрешения кризиса на территории бывшей Югославии.

Нерезультативность посреднической деятельности европейской дипломатии и безрезультатность переговорного процесса противоборствующих сторон в Югославии привели к крупномасштабным военным действиям в Хорватии в конце августа 1991 г., и если в Словении конфликт принял форму противостояния федерального центра и республики, добивающейся независимости, то в Хорватии вспыхнувший этнический конфликт перерос в этногражданскую войну. События в Югославии стали приобретать всё более взрывоопасный характер.

Мирная конференция по Югославии под эгидой ЕС, открывшаяся 7 сентября 1991 г. в Гааге, а также декларируемый со стороны ЕС принцип непризнания одностороннего изменения границ, которые не были произведены мирными средствами или путем соглашения, оказалась не в состоянии остановить дальнейшее расширение кризиса, который приобрёл лавинообразный характер и стал развиваться по «принципу домино». Парад национальных суверенитетов приобрёл угрожающие масштабы и способствовал росту напряженности в регионе.

8 сентября 1991 г. в Македонии состоялся референдум, на котором большинство населения высказалось за суверенную и независимую Македонию. В то же время парламент автономного края Косово провозгласил его независимой республикой. 7 октября истек срок 3-месячного ограничения (согласно Брионской декларации) действий Словении и Хорватии по провозглашению независимости. После этого обе республики возобновили свои намерения выйти из состава федерации. Уверенность хорватских и словенских лидеров поддерживалась заверениями со стороны Германии о том, что Бонн в обязательном порядке признает их независимость. По заявлению германских дипломатов, признание независимости Словении и Хорватии является лишь вопросом выбора правильного времени и подходящих обстоятельств.

В условиях дальнейшего прогрессирования Балканского кризиса и в результате сильного давления Германии происходит постепенная трансформация антикризисной политики ЕС. В октябре 1991 г. участники международной мирной конференции по Югославии в рамках ЕС принимают решение рассмотреть вопрос о признании незави-

⁹ The Statement by Alfred Dregger, Chair of the CDU/CSU Bundestagfraction // Deutschland Union Dienst (June 27, 1991).

¹⁰ Francfurter Allgemeine. 2 July 1991 (FBIS-WEU-91-127. 2 July 1991. P.17).

¹¹ Vienna ORF Television Network. 17 Sep. 1991 (FBIS-WEU-91-181. 18 September 1991. P.3).

симости Словении и Хорватии в том случае, если в этих республиках будут гарантированы права национальных меньшинств и если границы между республиками не будут изменены в одностороннем порядке. На очередном заседании международной конференции в Гааге в ноябре 1991 г. был предложен к рассмотрению проект Конвенции о глобальном решении югославского кризиса. В общих положениях Конвенции шла речь о том, что новые отношения между республиками будут основываться на принципах суверенитета и независимости республик, обладающих международной субъектностью для тех республик, которые этого хотят. Кроме того, подразумевалось, что «в рамках общего решения будет признана независимость тех республик, которые этого пожелают, причем в существующих границах, если не будет достигнута иная договоренность»¹².

Представители Сербии были уверены в том, что ЕС явно осуществляло решения по разобщению югославской федерации. По заявлению президента Сербии Слободана Милошевича, «предложенные меры не только разрушают международную конституциональную целостность Югославии, но и упраздняют Югославию как государство»¹³. Подобный курс воспринимался сербской стороной как осуществление линии германской дипломатии. Сербские лидеры рассматривали «сильное германское давление в ЕС как главную составляющую в крушении Югославии»¹⁴. Министр обороны Югославии генерал Кадиевич заявил, что инициативы ЕС на конференции в Гааге подразумевали исчезновение Югославии как единого государства и что за подобными действиями явно просматриваются контуры Германии.

Канцлер Германии Гельмут Коль официально предупредил, выступая в бундестаге, о том, что если не будет достигнуто приемлемого политического решения конфликта к середине декабря, Бонн официально признает независимость Словении и Хорватии «даже если все государства ЕС не поддержат это решение»¹⁵. Вместе с тем, Германии не угрожала реальная изоляция, так как в связи с фактическим провалом концепции сохранения территориальной целостности Югославии планы германской дипломатии все в большей степени находили понимание и поддержку партнеров по ЕС. Возможность признания независимости бывших югославских республик и интернационализации кризиса поддерживалась Итали-

ей, Данией, Бельгией, Португалией и Люксембургом.

На фоне этого дальнейшие попытки ЕС в Гааге выработать новую модель организации бывших югославских республик были обречены на провал. При подобной конъюнктуре германская сторона решила расстроить единство своих партнеров в ЕС и выступить за немедленное признание балканских государств, добывающихся независимости. На встрече министров иностранных дел ЕС в Брюсселе 16 – 17 декабря 1991 г. Германия заявила, что признает независимость Хорватии и Словении не позднее Рождества. В отсутствие общей позиции в рамках ЕС по югославской проблеме Германия использовала те резервы дипломатического влияния на партнеров по ЕС, которыми располагала в настоящий момент. На Брюссельском саммите представители Германии фактически достигли соглашения с Великобританией и Францией в обмен на уступки по Союзному Маастрихтскому договору. Первая уступка заключалась в компромиссе, к которому стремилась Великобритания по вопросу валютного союза ЕС. Уступка Франции состояла в поддержке Германией институциональной реформы в рамках ЕС. В дополнение ко всему, Бонн гарантировал сохранение единства среди стран членов ЕС в отношении югославского конфликта. Великобритания и Франция были не расположены к резкой конфронтации с Германией, особенно в рамках ЕС, «подвергая таким образом опасности более важный для них Маастрихтский договор»¹⁶.

Поддержка германским правительством хорватской и словенской независимости угрожала серьезным расколом ЕС на два лагеря (сторонников и противников международного признания самопровозглашенных государств). Раскол в реальной перспективе мог трансформировать Балканский кризис в ранг «внутриевропейского» противостояния со всеми вытекающими последствиями. На чашу весов был брошен имидж Европейских сообществ. В условиях очередного этапа внутриевропейской интеграции ЕС стремилось сохранить внешнее единство в вопросах внешней политики.

В результате было достигнуто некоторое подобие компромисса, который предусматривал гарантии того, что признание независимости Словении и Хорватии со стороны ЕС будет иметь место не позднее 15 января 1992 г. Отсрочка была вызвана, по-видимому, тем обстоятельством, что «открытое признание двух балканских государств представляло собой для ЕС резкую перемену стратегии»¹⁷. Резюмируя итоги соглашения в

¹² Sporazum za opste resenje (IV) // Medunarodna politika. Beograd, 1991. G.42. №998/1000. S. 23 – 26.

¹³ Adres of Serbien President Slobodan Milosevic. The Hague, 18 October 1991 // Rev.of intrn. Affairs. Beograd, 1991. №995/997. P. 32 – 33.

¹⁴ *Gohen J.* Broken Bonds: The Disintegration of Yugoslavia. Oxford, 1993. P. 232.

¹⁵ Hamburg DPA. 27 Nov. 1991 (FBIS-WEU-91-229. 27 November 1991. P. 11).

¹⁶ *Dyker D. A.; Vejvoda I.* «Yugoslavia & after»: A Study in Fragmentation, Despair and Rebirth. London, 1996. P. 167.

¹⁷ *Gohen J.* Broken Bonds: The Disintegration of Yugoslavia. P. 234.

рамках ЕС, можно констатировать, что отсутствие единой внешней политики, концентрация основных усилий на Маастрихтских переговорах и внутренних взаимоотношениях сделали государства ЕС более уязвимыми перед нажимом Германии, который постепенно усиливался начиная с июля 1991 г. И как следствие, разногласия стран участниц ЕС по вопросу признания Словении и Хорватии были решены в пользу Германии.

Важным результатом соглашения стало принятие 17 декабря 1991 г. странами – членами ЕС на заседании в Брюсселе Декларации о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе и Декларации о Югославии. За основу этих документов был взят совместный проект, представленный Германией и Францией. Странами ЕС были определены следующие основные критерии формального признания новых государств:

- уважать положения Устава ООН и обязательства, принятые на основе Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и Парижской Хартии, особенно в вопросах правового государства, демократии и прав человека;
- гарантировать права этническим и национальным группам и меньшинствам, согласно обязательствам, принятым в рамках СБСЕ;
- уважать нерушимость всех границ, которые могут быть изменены только мирным путем при взаимном согласии;
- признать все соответствующие обязательства, относящиеся к разоружению и нераспространению ядерного оружия, а также к безопасности и региональной стабильности;
- решать все проблемы, касающиеся правового наследия государств и региональных споров, путем переговоров, включая арбитраж в случае необходимости¹⁸.

Ряд положений этого документа уточнялся в Декларации о Югославии. Согласно тексту Декларации, «Европейские сообщества и государства, в него входящие, решили признать независимость тех югославских республик, которые выполняют приведенные ниже условия. Югославские республики до 23 декабря 1991 г. должны:

- заявить, что они хотят быть признанными в качестве независимых государств;
- подтвердить признание обязательств, содержащихся в документе о критериях признания новых государств;
- подтвердить признание условий проекта Гаагской конвенции, которую рассматривает конференция по Югославии, особенно условия, изложенные во второй главе и касающиеся прав человека и прав национальных и этнических групп;

• подтвердить дальнейшую поддержку усилий Генерального секретаря и Совета Безопасности Объединенных наций и положение Конференции по Югославии»¹⁹.

Кроме того, Декларация требовала от каждой югославской республики (до ее признания), претендовавшей на признание со стороны ЕС, принять твердые конституционные и политические гарантии отсутствия территориальных претензий к любой соседней стране, члену ЕС, и обязательство не вести враждебную пропаганду против любой соседней страны, члена ЕС, включая и использование таких названий, которые подразумевают территориальные претензии. Следует отметить, что только Словения и Македония удовлетворяли условиям демократических стандартов, указанных в Декларации. От Хорватии требовалось внести существенные изменения в «Конституцию новой Хорватии» (декабрь 1990), в которой сербское население признавалось национальным меньшинством. Изменение конституции в соответствии с условиями Декларации было осуществлено Хорватией под нажимом Бонна уже после признания ее независимости. В результате ни одно из условий, перечисленных в декларациях, не явилось непреодолимым препятствием для Словении и Хорватии на пути к достижению международного признания их независимости и суверенитета.

Важным следствием «политики признания» явилось положение, по которому односторонняя декларация о независимости определялась как достаточное основание для легализации самопровозглашенного государства. Декларациями о признании ЕС заложили правовую основу для легализации односторонних действий отдельных республик. С точки зрения международного права, европейская дипломатия установила новые критерии признания независимого государства, игнорируя принцип нерушимости границ и уважения целостности суверенного государства. «Созданный прецедент заключался в том, что принцип самоопределения превратился в основу для легитимного разрушения мультинационального государства»²⁰.

Вопрос о соотношении новых критериев признания независимых государств с положениями Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – наиболее существенный момент в критике европейской дипломатии. Принципу нерушимости границ и уважения территориальной целостности государств как одному из основополагающих норм международного права противопоставлялся в трактовке деклараций ЕС юридически не конкретизированное право наций на самоопределение вплоть

¹⁸ Deklaracija o kriterijumima za priznavanje novih država u Istочноj Evropi i Sovjetskom Savezu // Medunarodna politika. Beograd, 1991. G.42 №998/1000. S. 27 – 28.

¹⁹ Deklaracija o Jugoslaviji // Medunarodna politika. Beograd, 1991. G. 42. № 998/100. S. 28.

²⁰ Woodward S. Balkan Tragedy. P. 183.

до отделения. Отход от принципа нерушимости европейских границ, когда речь идет о внешних границах СФРЮ, и в то же время требование сохранения внутренних границ между югославскими республиками, которые никогда не были утверждены в правовом порядке, являлось существенным нарушением норм международного права. Хельсинкский акт гарантировал внешние границы Югославии, а не межреспубликанские внутри федерации. Произвольно, в выгодном для себя соотношении смешивая понятия внутренних границ с административными, положения деклараций ЕС вступали в противоречие и с пресловутым правом наций на самоопределение, когда за одними такое право признавалось, а за другими отрицалось. Такой «двойной стандарт» открывал возможности для произвольного толкования международного права при решении многих проблем. Вместо выбора между принципом территориальной целостности и правом наций на самоопределение, Европейское сообщество адаптировало эти нормы по своему усмотрению и применило оба принципа к федеративным республикам, как если бы они уже были независимыми государствами с правом национального суверенитета и как если бы международно-правовые нормы не обязывали применять принципы территориальной целостности и самоопределения к югославской федерации, ее населению и границам. В данном случае ЕС квалифицировало спор между федеративными республиками и федеральным центром как спор между двумя равными субъектами. И, конкретизировав конфликт как проблему границ и суверенитета, ЕС исключили возможность внутреннего решения вопроса, узаконив положение Балканского кризиса на уровне международного конфликта.

Несмотря на достигнутое в рамках ЕС соглашение, Германия уже во второй раз нарушила и без того хрупкое единство стран – участниц Европейских сообществ признанием в одностороннем порядке независимости Словении и Хорватии 23 декабря 1991 г. Германия открыто игнорировала принцип стратегического партнерства ЕС в процессе формирования общей политики, на основе которой можно было бы строить согласованные действия по урегулированию конфликта в бывшей Югославии. Политика боннской дипломатии «реально представляла собой отход от коллективной политики 12-ти к политике всеобщего урегулирования»²¹. Подобный шаг с немецкой стороны явился закономерным следствием всей стратегии Германии в вопросе признания балканских государств. Парируя критику действий германской дипломатии, Ганс Дитрих Геншер сделал позднее весьма интересное заявление о том, что «компромисс в ЕС позволял каждому

государству односторонний режим признания»²². Более того, Германия представила собственный вариант достигнутого в рамках ЕС соглашения, как «значительный успех германской и европейской политики ... и стремление осуществлять единую линию»²³. В целом, признание Германией в декабре 1991 г. независимости Словении и Хорватии можно охарактеризовать как заметный шаг в реализации германского сценария развития событий. «Действия Германии хотя и рассеяли предшествующую двусмысленность политики ЕС, были серьезной политической ошибкой, которая оказалась вредной для позиции Европейских сообществ на Балканах в последующем»²⁴.

Глава конференции по Югославии в Гааге лорд Каррингтон признал инициированную Германией стратегию признания Словении и Хорватии серьезным ослаблением его арсенала средств для достижения моратория на военные действия противоборствующих сторон. Не желая использовать силу, ЕС имел единственное оружие для достижения мирного соглашения – признание суверенитета. В своем письме Геншеру в декабре 1991 г. С.Вэнс совершенно справедливо отмечал, что «признание должно быть предоставлено в качестве вознаграждения за мирное соглашение. Использование же этого оружия до достижения такого соглашения могло означать лишь усиление войны»²⁵. Угроза международной изоляции и непризнания суверенитета Словении и Хорватии являлись действенным оружием в руках ЕС. В результате действий Германии произошло сужение поля политического маневра для европейской дипломатии. Усилия Бонна сделали призрачной перспективу мирной договоренности между всеми сторонами конфликта при посредничестве ЕС. Каррингтон также предупредил (пророчески, как впоследствии оказалось) о том, что подобные действия приведут тулик Гаагскую конференцию, а обещание югославским республикам их неминуемого признания как независимых государств усилит возможность роста дальнейшей напряженности на Балканах. Усилив собственные позиции и авторитет в Словении и Хорватии, Германия одновременно лишила ЕС эффективных рычагов влияния на балканские государства.

Германская инициатива явилась катализатором процесса признания независимости югославских республик со стороны европейского и международного сообществ. В соответствии с Декларацией о критериях признания новых госу-

²² *Gohen. J* Broken bonds: The Disintegration of Yugoslavia P. 234.

²³ *Zammetica. J* The Yugoslav Conflict. Adelphi Paper 270, P. 65.

²⁴ *Inantis C., Kazamias G.* European Challenges: National Policies and Institutional Failures // Balkan Studies. Volume 36. № 2. 1995. P. 331.

²⁵ *Woodward S.* Balkan Tragedy. P. 188.

²¹ *Dyker D.A. ; Vejvoda J.* Yugoslavia and after. P. 168.

дарств в Восточной Европе и Советском Союзе, а также Декларацией о Югославии от 17 декабря 1991 г., 15 января 1992 г. последовало признание странами ЕС Словении и Хорватии в качестве независимых и суверенных государств. К государствам Европейского Сообщества присоединились Швейцария, Австрия, Болгария, Польша, Чехословакия, Венгрия, Канада. В феврале 1992 г. Словения и Хорватия были признаны Россией.

Признание независимости республик бывшей Югославии, по существу, никак не приблизило окончание кризиса. Напротив, результатом «политики признания» стал окончательный развал федерации и неконтролируемое расширение кризиса. Подтверждение принципа самоопределения

поставило точку на попытках сохранения единого государства и «открыло ящик Пандоры по всей Югославии»²⁶. Новообразованные и самопровозглашенные государства оказались субъектами конфликтности, которая, с одной стороны, опускалась на уровень отдельных сел, а с другой – интернационализируется. Интернационализация кризиса в бывшей Югославии не привела, как того ожидали европейские политики, к решению проблемы, а лишь преобразовала кризис в бывшей Югославии из внутригосударственного в международный. Данная трансформация символизировала не только итоги германской «политики признания», но и открыла очередной этап Балканского кризиса, который привел к войне на территории Боснии и Герцеговины.

---

²⁶ *Zammetica*. J The Yugoslav Conflict. P. 62.